

Большая деревянная чаша

Николаев моя фамилия. Хотя какой я, к черту, Николаев? Одно название. Мы, якуты, издревле считаем, что имя обладает магическим свойством. Оно способно и судьбу предопределить, и от злых духов защитить. Тот набор звуков, который составляет никнейм по жизни – это информация, которую заложили в тебя предки, программный код твоей судьбы. Например, Эрел – это старший муж. А Сарын – тот, у кого сильна нижняя часть тела.

В России, согласно переписи населения 1897 года, фамилий не было у трех четвертей жителей. Мужикам хватало имени и прозвища. Ванька Гриб или Андрон Неждан. Фамилии появились позже.

Когда моя мама пригласила шамана для обряда наречения, черный крючконосый старикашка набрал в рот бырпах и закрутился, распыляя на духов всех четырех сторон света белую взвесь. Потом провозгласил: «Вижу, что сын твой – Кытахы. Большая деревянная чаша. Будет широк и полезен. Но не позволяй Эбе наполнить чашу водкой. Как только Эбе нырнет в нее – беда». Эта якутская бабка-ежка была злой и люто зыркала на мир людей четырьмя глазами.

Фамилию Николаев дали моему прадеду после революции. В наш улус Джуралей приехал тогда на санях комиссар. Скрипучая шкура, в которую он был одет, называлась плащом. А на поясе комиссар носил волшебный артефакт, именуемый наганом. Сел комиссар на лобном месте за стол и отдал приказ: мужчинам явиться в течение часа. Испуганные якуты образовали очередь. Старший лейтенант сначала спрашивал у мужиков имя, а уж из

него стряпал фамилию: Дуолан становился Долановым, а Кустуктаан – Кустовым. Но потом вдруг пошли сложные имена – вроде Хожун-хотой или Уйгулаан-тэбикен-оол. Комиссар поморщился, сплюнул. И больше имен не спрашивал. Он стал вносить в ведомость поочередно три фамилии: Алексеев, Петров и Николаев. Прадеду выпало стать Николаевым.

Я окончил юридический факультет Якутского государственного университета в двухтысячном году. С работой в нашем городе было сложно. Любой заборостроительный техникум пачками выпускал юристов и экономистов. В маленьком Якутске очередному законнику ловить было нечего. Случайно узнал я, что министерству обороны требуются дознаватели, чтобы расследовать воинские преступления. Благодаря военной кафедре я имел звание лейтенанта запаса. «Почему бы и нет?» – подумал я.

Я явился к восьми утра в районный военкомат, расположенный в старом каземате Якутского острога. В центре большого помещения стояли одинокие стол и стул. В углах стен, выглядывая из-под стыков обоев, росли грибы-поганки. А больше в комнате ничего не было. Дежурный офицер сказал мне, что дознаватели требуются не в Якутии, а на Северном Кавказе. Я прошел медкомиссию, подписал контракт, получил форму. Через неделю отправился на перекладных в далекий Владикавказ. На вокзале Владикавказа за мной увязался бородатый носильщик. Он, казалось, прямо мечтал понести мою сумку. Я вежливо отвечал, что справлюсь сам. Он обиделся, попытался вырвать мой багаж из рук, убеждая меня: «А вот и не справишься! Не справишься, говорю!»

На следующий день я уже грелся на нежном солнышке возле военного аэродрома. Рядом расслабленно валялись другие офицеры. Из Владикавказа вертушка должна была

отвезти нас в отдаленный полк в горах Чечни, на границе с Грузией.

Рядом со мной перебирал четки небритый прапорщик.

– По национальности я – кандинец, – веско произнес мой сосед.

– Ни разу не слышал о такой национальности, – признался я. – Где проживают кандинцы?

– В селе Старый Кандин.

– А еще?

– Ну ты дикий. Еще в селе Новый Кандин.

– Понятно. А еще?

Прапорщик помрачнел, зыркнул:

– Больше нигде.

Пилоты задерживались. Искать их отправили меня. Как самого молодого. Куда-нибудь.

– Нашел летунов? – спросил кандинец, когда я вернулся.

– За будкой двое невнятных водку пьют, а пилотов нет.

И тут вдруг все вскочили, стали хватать баулы. Я увидел, что к вертолету направляются взявшие словно из ниоткуда пилоты в синих фуражках. Я узнал двух невнятных типов, которые совсем недавно пили водку за будкой. Перепугался, но решил промолчать.

Мы полетели вдоль каменных стен неопишимо красивого горного ущелья. Сверху земля казалась зеленой открыткой. Ми-8 отстреливал тепловые ловушки. Внизу ртутной лентой искрился Аргун.

Стали снижаться в лощину, обнятую горами. Я увидел кубики домов, периметр бетонного плаца. Полуголые человечки отчаянно бегали по плацу за мячом, не обращая внимания на вертолет. Это и был полк. Мой новый дом.

Меня встретил замполит с рыхлым лицом – подполковник Алиев. Вместо приветствия он приказал мне быть готовым ко всему. Алиев отвел меня в одноэтажное здание штаба. При входе стояла прозрачная колба, в ней высшая

ценность и сердце подразделения – боевое знамя полка. Если его захватят – подразделение перестанет существовать. Знамя охранял караульный с автоматом.

В кабинете сидел усатый полковник. Перед ним стояла пепельница. Окурки, воткнутые в нее, образовали ежа. На стене висела карта местности. Я замер. На полу были выложены в ряд фугасные мины.

– Вот ты какой, – сказал полковник, оглядев меня с ног до головы. – Давно ждали специалиста. А то сержант этот, бывший мент, только бухать горазд. А работы много. Вчера только в Итум-Кале ЗИЛ расхреначили. А в нем мудачки, которые не любили носить бронежилеты. Вечером представляю тебя личному составу, вольешься в коллектив. лейтенанта получал?

– Так точно, – я пошевелил плечами, чтобы продемонстрировать звезды на погонах.

– Представлялся?

– Простите?

– Значит, не представлялся. Так что пока ты не лейтенант, а студент. Встречаемся в столовой, в двадцать ноль-ноль.

Пищеблок занимал стратегическую высоту прямо перед позициями артиллерии. Я явился в назначенный час. В углу просторного зала стояла ударная установка, на табуретах лежали электрогитары. Столы были составлены буквой «П», словно на свадьбе. На клеенчатых скатертях кто-то расположил тарелки с вареными овощами, вскрытыми банками рыбных консервов, нарезанным сыром. Пухлая официантка Глаша толкала тележку с графинами. По центру стола вытянулись подобием почетного караула бутылки осетинской водки «Исток». Мне кажется, дешевле этой водки не было. Она стоила всего семь рублей за бутылку. От этого пошла блевал, дох и слеп весь юг России.

Мне уже объяснили, что представление по случаю очередного воинского звания – давний ритуал русской армии. Кроме меня представлялся лейтенант инженерной службы Мерзликин – стриженный под ежик коренастый парень. Рыжий прапорщик-кандинец был третьим представителем. Мы, все трое, сняли звезды с погон. Право носить их нам предстояло заслужить.

Прибыл командир полка, раздалась команда: «Товарищи офицеры!» Все как один развернулись к центру зала и замерли по стойке смирно.

– Товарищи офицеры, прошу садиться, – сказал командир полка, усаживаясь за центральный стол. – По старой армейской традиции мы собрались, чтобы отпраздновать получение первых офицерских званий. Что ж, приступим.

Первым представлялся кандинец. Ритуальные действия посвящения исполнял для него непосредственный командир – начальник вещевого службы. Он до краев наполнил граненый стакан водкой из запотевшей бутылки. Затем бросил на дно четыре маленькие звездочки. Те кружились, как снежинки.

Кандинец встал, продышался, словно готовился совершить подход к штанге. Прапорщик обхватил большим и указательным пальцами стакан, поднес его к губам и, не сводя взгляда со звездочек, бросился пить. Кадык заработал как поршень. Кандинец допил водку и ловко подхватил губами звездочки. Веснушки на его лице пылали. Прапорщик закрыл глаза, поднес к подбородку ладонь, выплюнул звездочки в нее.

– Товарищ полковник! Товарищи офицеры! – хрипло произнес он. – Представляюсь по поводу получения очередного воинского звания – гвардии прапорщик.

– Нашего полку прибыло! – отозвался полковник, одобрительно качая головой. – Привести форму одежды в порядок!

Толстый начальник вещевого службы быстро вдел подчиненному в дырочки на погонах успешно обмытые звездочки.

– За гвардии прапорщика! – рявкнул командир полка.

Офицеры встали и, как один, опрокинули рюмки. Зашумел разговор. Все хвалили прапорщика, исполнившего воинский ритуал уверенно и точно. В зал вошли гвардейцы-музыканты, взяли гитары и грянули «Трамвай пятерочка, вези в Черемушки меня».

Настал черед Мерзликина. Тот чему-то улыбался, изучая стакан с водкой. Начальник инженерной службы, вечный капитан, повторил ритуал в отношении своего подчиненного.

Мерзликин схватил стакан. В граненом изобретении скульптора Мухиной словно разразилась буря – так сильно дрожали руки молодого офицера. Мерзликин выдохнул и спешно влил в глотку содержимое стакана, намереваясь одним махом разделаться с испытанием. Но тут испытуемый поперхнулся, закашлялся, стал махать руками, заставляя своего начальника позорно уворачиваться от водочных брызг. Начальник инженерной службы спешно вывел раскрасневшегося слабака в уборную.

– Вот такую молодежь присылают, – сокрушенно сказал начальник штаба, сноровистым движением насаживая кильку на вилку, – совершенно неподготовленную. Слабую и квелую. Не помнящую ритуалов русской армии. За дедов, которые умели пить! Два коротких, один протяжный! (Глаша прикрыла уши.) Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра-а-а-а-а!

В едином порыве тридцать крепких мужских глотков подхватили этот радостный крик. Когда все стоя выпили за дедов, в столовой разлился запах томатного соуса. Смазанные водкой моторы бесед зашумели с новой силой. Музыканты грянули Кипелова: «Ты, летящий вдаль, беспечный ангел».

После этого поднялся заместитель командира полка, толстый подполковник. Черты его лица утопали в складках кожи. Подполковник провозгласил третий священный тост: «За тех, кого нет с нами». В полной тишине, не чокаясь, офицеры махнули по третьей.

Похожий на мокрого ежика, вернулся Мерзликин. К его лицу приклеилась улыбка. Опозоренный вечный капитан стал снова наполнять стакан водкой. И, как бы случайно, забыл долить до краев.

Въедливый штабист Трубиенко заметил неладное:

– Что же это, товарищ капитан, соляры, значит, недоливаете, теперь и за водку принялись? Лейте как надо!

Мерзликин встал, с почтением глядя на полный до краев стакан. На этот раз испытываемый разработал тактику: он разделил содержимое стакана на три больших глотка. После первого зрачки Мерзликина сделались острыми как звезды, после второго глотка побагровели мочки ушей, после третьего дернулась, словно от удара электрическим током, голова. Допив, Мерзликин нетвердо поставил стакан на стол, вытер губы, занюхал бородинским хлебом.

– Товарищи офицеры! Представляюсь по поводу...

– Стоп! Стоп! – прервал Трубиенко. – Сначала идет обращение к старшему офицеру – командиру полка!

– Товарищ полковник! – повторил Мерзликин. – Товарищи офицеры! Представляюсь по поводу звания лейтенант... То есть гвардии лейтенант.

– По поводу присвоения очередного воинского звания, – поправил командир, отмахнувшись. – Это незачет, товарищ гвардии никто. Тренируйтесь хорошенько.

Все снова выпили за что-то важное и правильное. Оркестр грянул «Господ офицеров». Собравшиеся подпевали так, что в рамках дрожали стекла. Заместитель командира утирал слезу.

– Прошу садиться, – сказал командир полка. – Кто там у нас остался?

– Товарищ полковник! – пискнул я, подняв руку как в школе. – Можно обратиться?

– Можно Машку за ляжку. А в армии положено говорить «разрешите».

Ко мне уже спешил мой начальник – подполковник Алиев. Он деловито наполнил мой стакан и бросил туда звездочки. Те образовали на дне квадрат. Я кашлянул. Старуха Эбе смотрела на меня со дна стакана.

– Ну что, Николаев, – спросил Алиев заговорщицки, – все помнишь? Не посрамишь политотдел?

– Разрешите обратиться, товарищ полковник, – не унимался я.

– Обращайтесь.

Я произнес речь, которую репетировал со вчерашнего дня:

– Товарищ полковник! Товарищи офицеры! Я – представитель коренного северного народа, и нам алкоголь генетически противопоказан. Вместо него я с удовольствием выпью наш национальный напиток бырпах.

Офицеры переглянулись.

– Барабах? – уточнил командир полка. – И сколько в нем градусов?

– Около двух, – сказал я, доставая привезенную из Якутска бутылку, украшенную оленьим мехом.

– Не пойдет. Офицеры представляются на водке.

– Я не могу на водке.

– Ерунда. У нас танкист-бурят замечательно позавчера представлялся.

– Поймите, – взмолился я. – Мой организм быстро накапливает ацетальдегид. И не вырабатывает достаточно фермента, необходимого для расщепления молекул спирта.

Воцарилась тишина.

– Кто тебе это сказал?

– Наука, – поспешно объяснил я. – В моем ДНК присутствует аллель альдегиддегидрогеназы. Ее носители после употребления алкоголя испытывают острое отравление. Таким людям вообще нельзя пить. Кроме того, мое имя Кытахы. Что значит «большая деревянная чаша». Если в чашу ляжет четырехглазая Эбе, я погиб. Совершенно погиб.

От смеха зазвенели тарелки на ударной установке. Смеялись офицеры, их веселье подхватили музыканты, даже Глаша вытирала слезы передником. Потешался даже Мерзликин.

– Я серьезно! Я после одной рюмки уже ничего не помню.

– Аллель у него не той конструкции, – хохотал Алиев.

– В вашей водке крови не обнаружено, – заливался начфин.

– Тишина! – рявкнул командир, смахнув веселье со всех лиц. – Вот тебе мой сказ, Николаев. Водка является таким же союзником русского воина, как шпага и автомат. С водкой и француза били. И на немецкие пулеметы шли. Как ты думаешь, трезвый пойдет кавалерийской атакой на бронированный дзот?

– Не пойдет, наверное, – отвечал я.

– А дед мой ходил, – командир грозно откусил от головки лука. – Осенью сорок второго моего девятнадцатилетнего деда в составе кавалерийской дивизии пригнали под Ржев. Ты представляешь себе, что такое Ржев на излете сорок второго года, Николаев?

– Никак нет.

– Вообрази себе поля, заваленные трупами. Ржевско-Сычевская наступательная операция завершилась полным разгромом. Триста тысяч советских бойцов полегли в болотах. Плечом к плечу, в три ряда. Впереди – эше-

лонированная оборона немцев. Там окопалась девятая армия генерала Вальтера Моделя. Самое боеспособное соединение в мире. Прибыли советские подкрепления. Вот-вот начнется операция «Марс». Мой дед, еще пацан, узнает, что утром их батальон погонят на противника первой волной. Дед понимает, что это его последняя ночь. Завтра он займет свое место в долине мертвых. Дед не спит, пишет прощальное письмо матери, моей прабабке. Поутру их подразделение строят, зачитывают приказ и наливают в котелки по сто грамм водки. Дед, никогда не пивший, глотает водку. И жажда жизни, преодолевающая сила ее и страсть, озаряет его сознание. Дед рассказывал мне: «Как только выпил, внутри полыхнуло. Я сжал зубы так, что они захрустели. И понял – не умру. Не сегодня. Пошла она на хрен, смерть эта». После артподготовки комбат свистнул, и лошади нырнули в предрассветный туман. Немцы, конечно, обрушили на кавалерию огненный шквал. Плоть рвалась на лоскуты. Дед направлял лошадь наискось по полю, так, чтобы к линии фронта был повернут один конский бок. Сам он в это время прятался за другим боком, прильнув к крупу. Один из немногих, он добрался до зоны пулеметного огня, где какой-то Ганс все-таки прошел очередью его лошадку. Но дед остался цел. По разложившимся за лето, смердящим трупам красноармейцев с выклеванными вороньем глазами дед пополз. Он забирал у убитых товарищей гранаты РГ-42. Дед подобрался к боковому окошку дзота, где услышал немецкую речь. Все, что он запомнил, это слова Kopflose Reiter – безголовые всадники. И дед передал гансам подарок – пригоршню гранат. После этого он проник в дзот, взял пулемет МС-42 (в простонародье «косторез») и стал поливать рядом стоявшие укрепления, вынудив немцев отступить. Вторая волна советской атаки успешно захватила линию.

Воцарилась тишина. Слышался только храп Мерзлики-на из-за стола.

– Дух человека слаб, пока не горит, – сказал командир, щелкнув по своей рюмке пальцем. – Разожги его. А ку-мыс свой можешь на опохмел оставить.

Я с опаской взял ледяной стакан. Глаза Эбе мерцали на дне. Или это были пустые глазницы красноармейцев на Ржевском поле? Теперь я не знал. Я помочил пальцы и разбросал капли на восток, запад, север и юг. Задобрил духов.

– Не дыши, пока пьешь, – прошептал Алиев, тщательно натирая чесноком корку хлеба. – И все нормально будет.

Я стал заливать водку сразу в гортань, чтобы миновать вкусовые рецепторы на языке. Влив таким образом в себя полстакана, я проглотил этот ком, подавив желание вдохнуть. Второй глоток сделать было проще. Я поймал заветные звездочки, выплюнул их в ладонь, перевел дух. Горло и пищевод пылали. Алиев быстро сунул мне чесночную корку. Занюхав, я медленно, без запинок, произнес слова представления.

– Ну вот и славно. Нашего полку прибыло! – сказал командир, наградив меня отеческой улыбкой. – Привести форму одежды в порядок!

Довольный Алиев был тут как тут.

Музыканты грянули «Я иду в этот город, которого нет».

Я чувствовал себя победителем. Сознание гарцевало, как резвый скакун. Я сделался дерзок и смел. Если бы мне приказали идти на дзот, я выполнил бы приказ, не мешкая.

Я принялся болтать без умолку. О, мне было что сказать!

– Запомни, лейтенант, – осадил меня Алиев на перекуре. – Первое офицерское звание – это старший лейтенант.

– Как же? Почему это? – возмутился я, раскрасневшись. – А лейтенант?

– А лейтенант – это кличка.

Последующие мои воспоминания отрывочны. Помню, как Мерзликина поднимали, а он оседал на пол, как замерзшая в пятидесятиградусный мороз на лету птица. Помню тепло маринада на лбу. Еще – ботинки, скачущие на уровне глаз. Усы командира с капельками водки на поседевших кончиках. Барабанные палочки, лупящие по тарелкам. А потом те же палочки, лупящие по кастрюлям. Помню Глашины ладошки, бьющие по моим щекам.

На следующий день я очнулся в офицерском общежитии. Сознание, как разбитый кувшин, рассыпалось на дне головы грудой осколков. На полу валялся китель со звездочками. Я почувствовал, что не могу оторвать язык от неба.

Дверь открыл краснощекий капитан Иванов, следователь военной прокуратуры. Не говоря ни слова, он кинул на кровать бутылку «Ессентуки номер семнадцать». Солноватый поток заструился по моей внутренней пустыне, возвращая жизнь в города и села. Я опустошил всю бутылку. Поднялся, заметил, что на полу нет ботинок, а на моих руках – вздувшиеся пузыри ожогов.

– Вы ко мне? – спросил я хрипло.

– Я за вами, – ответил Иванов, не отрывая взгляда от документов. – Едем в Шатой. Мотолыга перевернулась. Вы, Николаев, решили здесь забухать, что ли? Не лучшее решение.

– Я не решил.

– Вы вчера наблевали на бас-гитару.

– Правда, что ли? Точно я? А ботинки мои не видели?

– Возле мангала валяются.

– М-мангала?

– Вы сняли их, чтобы пройти по углям.
– Зачем? – схватился я за голову.
– Доказывали, что способны на подвиг. А потом сделали предложение Глафире Андреевне.

– Хватит, прошу.

– Вручили ей на помолвку картину со стены столовой. Потом уснули на тележке для посуды. Кажется, все. Машина ждет. Два «двухсотых» на месте аварии.

УАЗик взлетел и падал на ухабах. Меня подташнивало.

– Развлечений никаких, вокруг горы. Хотя в полку праздник каждый день. Поэтому я не бухаю. Вообще, – сказал Иванов. – Нам, мордве, бухать противопоказано. Дурные становимся.

– Как же вы игнорируете все эти тосты? – спросил я.

– Переворачиваю стакан, и все. Это значит – не пью.

– У нас с вами много общего.

– Например?

– У нас обоих короткие аллели. Мое имя Кытахы. Большая деревянная чаша. А фамилию Николаев глупый папист придумал. А вас как зовут?

– Иванов.

– Нет, по-настоящему.

– По-настоящему я Иванов и есть. Ну и воняет от тебя. Ну-ка, отверни свою чашу в сторону.

Колеса взбивали пыль, дорога петляла. Горы раздвинулись, открылось Аргунское ущелье. Дорога здесь сужалась и уходила вниз, начинался самый опасный участок. Ширина дороги не превышала трех метров. Слева нависла стена, справа – обрыв. Внизу, вгрызаясь в скалистое дно, бурлил Аргун. Пройти на этом узком участке могла лишь одна машина.

– Поворот этот нехороший. Зовется Ятаган, – сказал Иванов, сбрасывая скорость. – Мы едем по широкому лезвию, а узкая дуга в конце – рукоять. После дождя

дорога раскисает, начинаются оползни. В местной почве до фига глины. Многие нырнули здесь в Аргун. А лететь-то восемьдесят метров. Это примерно пять секунд. Всю жизнь вспомнишь. Он первого поцелуя до последнего стакана.

Мы благополучно спустились вниз, к реке. Здесь через Аргун был перекинут узкий бетонный мост. Механик-водитель, преодолевая его в пять утра на бронированном тягаче, не справился с управлением, вывесил с моста правую гусеницу. Попытка сдать назад, не рассчитал и завалил машину в реку. Высота небольшая – пара метров, но мотоколяска перевернулась и придавила солдат, дремавших на броне. Нам предстояло извлечь тела и провести с ними следственные действия.

После того случая прошло три месяца. Днем я ездил по заставам, расследовал «чипки» (чрезвычайные происшествия). А вечером брел, как на казнь, в столовую. Жизнь в боевом полку изменчива: один уезжает, другой приезжает, третий получает воинское звание. Сегодня день танкиста, завтра – день артиллериста. Отвальная, привальная, праздник, представление. Каждое второе служебное совещание заканчивалось тем, что кто-то из офицеров вставал и приглашал всех в столовую. Иногда я шел на утреннее построение и видел, что некоторые офицеры все еще празднуют в столовой, двигаясь как в замедленной съемке. Но были и хорошие новости: например, я выучил наизусть весь репертуар группы «Любэ».

Пил я много. Водка бодрила. Во мне появились легкость, кураж, жажда приключений. Невзгоды забывались, а жизнь казалась бесконечной.

Аванс мужества и жизнелюбия, выданный вечером, был вчистую истрачен на следующее утро. Часто я просыпался в чужой кровати совершенно опустошенный. Черное чувство вины глодало меня. Звуки казались

раздражающими, проблемы непреодолимыми, жизнь – бессмысленной.

Саша Иванов подначивал меня: «Деревянная чаша, ты сопьешься!» Или: «Большая чаша, дуй в общагу, никто не заметит».

А потом Саша забухал сам. Нагрянули гости из прокуратуры города Шали. Среди них был Сашин знакомый по службе в Иркутске. Иванов выпил одну, другую – и понеслась. Бухал он два дня, не просыхая. Потом Саша посадил друга в «девяносто девятую» и повез в Шатой, где служили их общие друзья. Три дня Иванов отсутствовал. Все думали, что он дернул по пьянке к проституткам во Владикавказ. Подобное практиковалось. Но Саша не объявился даже на пятый день.

Через неделю разведчики обходили устье Аргуна. Когда бойцы дошли до изгиба реки под Ятаганом, то заметили в воде два препятствия, которые стали причиной пенистых бурунов. Неделю назад этих предметов не было. Одного из бойцов обмотали веревкой и спустили в воду. В Аргуне, днищем вверх, лежал легковой автомобиль.

Командир полка снарядил два «металла», и я вместе с эвакуационной командой отбыл к месту происшествия. Один из тягачей спустился к реке. Разведчики подцепили трос к переднему мосту автомобиля. Мотолыга зарычала, дернула, и на поверхности показался расплющенный нос серебристого ВАЗа девяносто девятой модели.

Вытащили машину на берег, перевернули. Саша сидел на месте. Тело его распухло, кожа стала похожа на белую пористую губку. Сашины руки намертво вцепились в руль. Пальцы словно срослись. Вдвоем со следователем мы примерно пять минут не могли разжать их. Помогла только отвертка. Пока мы составляли протокол,

Иванов лежал в кустах, продолжая удерживать перед собой невидимый руль.

Мы отвезли Сашу в родной Ярославль. Когда его готовили к похоронам, то не смогли сложить руки по швам. Они так и остались согнутыми в локтях, перпендикулярно телу.

– Санек, ты куда едешь? – смеялась Сашина вдова. – Дайте ему газету почитать, что ли.

Она изрядно выпила и вела себя отвратно. А потом отказалась целовать белую распухшую щеку. Сашин отец выгнал эту тварь из ресторана.

Время летело. На первых порах у меня еще случались разгрузочные дни, когда я силой воли воздерживался от спиртного. Теперь и они ушли навсегда. Теперь я пил каждый день. Впрочем, по утрам я все еще давал себе клятвы: «С сегодняшнего дня и целый месяц – ни капли!» К обеду месяц трезвости уже казался слишком суровым наказанием. Тридцать календарных дней немедленно сжимались в декаду, которая после обеда становилась неделей. А в 17 часов обычно начинался позорный диалог с самим собой:

«Бутылочку пивчанского хотя бы, а то совсем тоска, вздернуться хочется».

«Вчера уже было пиво. А потом водка».

«Безалкогольного пива, фашист! Это же просто квас. Все равно все сдохнем. Зачем эти мучения?»

«... Ладно. Только безалкогольного».

«Две бутылочки!»

«Что? Нет!»

«Две бутылочки безалкогольного пивка».

В итоге я шел в магазин и покупал пять банок «Балтики-нулевки». К концу последней банки я, как ни странно, оказы-

вался во хмелью. Половина процента этилового спирта в безалкогольном пиве все же имелась.

Однажды мне удалось продержаться без выпивки аж до восьми часов вечера. Стрелка часов скреблась изнутри о черепную коробку. В клетке силы воли бесновалось желание: выпить-выпить-выпить. Нужно отвлечься, почитать что-нибудь, решил я. Схватил с полки первую попавшуюся книгу. Это был Джеймс Хэдли Чейз «Ночь отдыха». На картинке одинокий человек брел по ночной улице. Фалды пиджака угрожающе топорщились. Я открыл книгу на случайной странице.

«– Черт с ней, с этой идеей, – объявил он наконец. – Однако теперь, когда я здесь, что вы мне порекомендуете?»

– На вашем месте, – начала она серьезно, – я пошла бы первым делом в бар и заказала себе побольше выпивки. Потом я пошла бы в ресторан, села за столик поближе к оркестру, заказала необильный и тщательно обдуманый ужин и насладилась бы всем этим.

Джейсон потрогал пальцем свой белый галстук.

– Вы думаете, мне необходимо преодолеть отвращение к выпивке, так, что ли?

Она хихикнула».

Я разорвал книгу пополам и отправил в урну.

Включил телевизор. Искал комедию, но нашел только драму под названием «Покидая Лас-Вегас». Николас Кейдж развалился на лавке. Ветер хлестал его по лицу. Кейдж потягивал из бокала для коктейлей какую-то дрянь. Напротив стояла прекрасная Элизабет Шу в коротком розовом платье. На заднем плане монашки раздавали листовки.

«Может, тебе стоит меньше пить?» – спросила Элизабет вкрадливо.

«А может, мне стоит меньше дышать?» – отвечал Николас, прикрыв глаза.

Я принялся грызть и ломать проклятый пулыт.

Потом рухнул на кровать, сложив руки на груди. В девять вечера начался озноб. Я дрожал как новорожденный олененок. Самый наимельчайший звук пронизывал сознание электрическим током. В половину десятого в душу ворвался страх смерти. Тремор передавался каркасу кровати, который колотился железным боком о стенку.

Я вскочил, вывалился в коридор. Пнул дверь напротив. Там жили финансисты полка. Солдат-домохозяин сказал, что офицеров нет. Я с молчаливой решительностью откинул крышку морозилки, достал ледяную бутылку водки. Горлышко предательски стучало о край рюмки. Водка ложилась в рюмку слоями, как масло. Открыл рот, опрокинул стопку в горло. Вдавил водяру в желудок. Извиваясь ледяной змеей, водка рвалась обратно. Я сжал зубы и нюхал рукав, пока тварь не утихла.

Отлегло. Я воскрес.

Однажды должен был приехать полковник из штаба округа, а мне поручили его встречать. Полковник прибывал вечером на железнодорожный вокзал Владикавказа. Путь от нашего полка до Владика был неблизкий. Служебное авто укатило с утра в горы. Я бросился искать оказию. В штабе я наткнулся на Мерзликина. Он забавлялся тем, что издевательски заступал за линию поста, где под охраной караульного хранилось боевое знамя полка. Караульный, видя ногу лейтенанта в запретной зоне, вскидывал оружие и произносил команду: «Стой! Кто идет?» Мерзликин стремительно убирал ногу и гомерически смеялся. Потом все повторялось.

– Хватит тренировать бойца, поехали во Владик, – сказал я. – У тебя же есть «жигуль»?

– Скажи инженеру, что берешь меня, и погнали, – с готовностью отозвался Мерзликин, дыхнув на меня перегаром.

Я договорился обо всем, и мы выехали. Мерзликин сел за руль. Он немедленно открыл бутылку Holsten, сделал смачный глоток и зажал ее между колен. На дороге лейтенант стал демонстрировать фигуры высшего пилотажа, самая жуткая из которых представляла собой вхождение в поворот с боковым заносом. Лейтенант то и дело срывал ручной тормоз и совершал дикие движения рулем.

– Я один раз так от чехов ушел. Они на своей «Ниве» только пыль глотали. Три года картинга не прошли даром, – брехал Мерзликин, отхлебывая из бутылки.

– Впереди Ятаган, снижай скорость, – предупредил я.

Мы проехали памятник застывшему в прыжке горному барану. Начали спуск в ущелье. Мерзликин продолжал экспериментировать с контролируруемыми заносами. Заднюю ось машины то и дело срывало с траектории, за нами смерчем несли шлейф пыли. Глаза лейтенанта сверкали безумным азартом. Костяшки пальцев побелели. Мы выехали на широкое острие Ятагана и стали двигаться в сторону «рукояти». Слева к скале прижалась черная невесомая фигура. Кажется, старуха. Я вздрогнул.

– Володя, прекращай, – крикнул я, вцепившись двумя руками в рукоятку над боковым стеклом. – Останови, я выйду! Я серьезно! Хватит!

– Не сцы, пиджак, проскочим.

Дорога сузилась до предела, повела налево. Мерзликин резко дернул руль, все-таки сорвав ось. ВАЗ, скрипя от напряжения, стал заваливаться в поворот. Посреди дороги машину ждал глиняный гребень. Он оказался твердым. Задняя крышка пропахала об его край внешней стороной. Машину отшвырнуло назад. Бутылка пива разбилась о панель. Полетели брызги. Перед глазами возникла буро-зеленая мазня, «жигуль» прекратил вращение. Я увидел стоп-кадр: внизу серебряной стрелой вытянулся Аргун. Машина летела к обрыву на полной скорости. И тут

Мерзликин дернул руль влево и ударил по газам. Мотор завизжал, передние колеса забуксовали в гравийной каше, и ВАЗ развернуло в сторону скалы. Со всего маху мы врезались в стену. На капот посыпались камни. Песчаная завеса накрыла нас. Я почувствовал, как что-то теплое ползет по лбу. Поднял руку, увидел кровь. Правой рукой я сжимал вырванную с мясом резиновую ручку. Я открыл дверь, вышел, держась за голову. Пахло жженой резиной. Крылья машины сжались в гармошку, капот встал домиком. На песок из радиатора вытекала раскаленная жидкость.

Каждый вдох обретал ценность и вес.

Со стороны деревни послышался гул. Песчаную мглу распорол наглухо тонированная «Нива» с местными номерами. Я обернулся. Мерзликин сидел за рулем с открытыми глазами, не двигаясь. Тогда я подскочил к задней двери нашего авто. Там, на полу, валялся АК-74М, поставленный на предохранитель.

«Нива» затормозила. Я пригнулся, рассчитывая быстро схватить автомат, залечь за колесо. Водительская дверь «Нивы» открылась. Из автомобиля вышел чеченец лет пятидесяти с острым лицом. На его голове горной башней вздымалась папаха. Он был безоружен и быстро приближался ко мне.

– Что случилось? Помощь нужна? – спросил он, рассматривая передок «девяноста девятой».

– Спасибо, кажись, живы, – ответил я. – Счастье, что мы не в Аргуне.

– Куда ехали-то, ребята?

– Начальника одного встречать. Вот встретили.

– На все воля Аллаха, – пожал плечами чеченец, – значит, таков урок. Берите «Ниву» и езжайте. А я позвоню брату, мы отволочем ваш металлолом ко мне. Я неподалеку живу, в Борзое.

– Какую «Ниву»? – опешил я.

– Здесь что, кругом «Нивы»? Мою берите и езжайте.
Я не поверил своим ушам.

Чеченец, которого звали Али, выписал доверенность прямо на капоте своей «Нивы» и протянул нам ключи. Мерзликин снова попытался сесть за руль.

– Я сам поведу, – остановил его я. – А ты дуй пешком в полк. Доложи командиру, что вел транспортное средство в состоянии алкогольного опьянения, спровоцировал аварию. А я вечером проверю.

– Ах ты, крысеныш... – процедил Мерзликин. – Ты че, перед чехами рисуешься?

– Шагом марш, товарищ лейтенант.

– До продуктового хоть подбрось.

– Шагом марш! – взорвался я.

Я сел за руль и, не сразу поймав первую передачу, тронулся. Али в зеркале заднего вида воздел ладони к небесам.

В назначенный час я встретил полковника. В Чечню он приехал впервые и оттого нервно смолил одну сигарету за одной. Увидев мой разбитый лоб, испугался:

– Под обстрел попали?

– Об люк танка ударился, – соврал я. – Все нормально. Рабочие моменты.

С тех пор я избегал водки. На полковых мероприятиях просто переворачивал стакан. Моя деревянная чаша оставалась запечатана. И теперь Эбе не могла подобраться ко мне.

Гремиха

На Кольском полуострове, в зоне шквалистых ветров, там, где встречаются Баренцево и Белое моря, вбит в сопку населенный пункт Гремиха. Дороги по суше сюда

нет. Оказаться здесь можно только по воде или по воздуху.

Раньше здесь был саамский погост, который снесли, чтобы построить первый русский концлагерь. В 1941 году была основана Йоканьгская военно-морская база. Впоследствии она получила грозное имя – Гремиха. Американцы называли ее «Осиным гнездом» (Vespiary).

Сейчас «Осиное гнездо», державшее в страхе всю северную Атлантику, практически опустело. Но еще в восьмидесятые на улицах кипела жизнь. Тридцатитысячное население обеспечивало защиту северных рубежей родины. Курсировали подводные лодки, неся по всему миру ядерные жала Красной империи. База имела собственные корабли охраны, средства ПВО, морскую пехоту и даже боевых водолазов. Отец-подводник говорил, что одна Гремиха способна уничтожить землю трижды. Может, и хорошо, что она пришла в запустение.

Каждое утро меня возвращал к реальности будильник. Я вскакивал с кровати, наблюдая сквозь заиндевевшее стекло окна привычную картину. У пирсов дремали с четыре десятка чернильно-черных хорд. Иногда на пирсах собирались люди с цветами, играл военный оркестр. Это провожали в поход подводников. Моряки покидали базу, как правило, на полгода, проходили под арктическими льдами, а оттуда выходили на простор мирового океана.

Я повязывал на шею пионерский галстук, шел в школу, которая всегда бурлила, как водоворот. Ветер бился в окна, а я в очередной раз пытался понять, зачем кому-то понадобилось делить диагонали параллелепипеда точкой их пересечения. Зато на переменах было весело. В коридорах вовсю работали биржа, казино и рынок. Поиграть, обменяться и просто купить что угодно можно было за особую детскую валюту – вкладыши от жвачек.

Школу я покидал в обед, когда городок уже накрывала ранняя северная ночь. Я брел в музыкальную школу на ненавистное сольфеджио. Из всех этих уроков помню только «Зимнюю дорогу» Георгия Свиридова. Меня поразило, с какой невероятной точностью композитор с помощью звуков изобразил путь человека сквозь пургу. Жизнь была достаточно однообразна. Хотя иногда школьников выводили на экскурсии. Мы отправлялись (сюрприз, сюрприз) на подводные лодки. Куда бы еще?

Однажды в начале новой календарной зимы, когда ненадолго зажглось новое короткое утро, я привычно записывал в портфель учебники со стола. Отец вдруг сказал, что у него есть новость. Я напрягся. Предыдущей новостью была смерть Цоя. Тогда я не обрадовался. Сейчас, судя по мрачному отцовскому виду, новость была не лучше. «Неужели Гребенщиков того? – подумал я. – Или, не дай бог, Кинчев?» Но папа отрешенно сообщил, что больше нет СССР.

– А что же теперь есть? – удивился я.

– Не знаю. Ничего.

– Получается, школы тоже нет? – спросил я с робкой надеждой.

– Школа есть. Страны нет.

«Ничего», о котором говорил отец, обрушилось стремительно. Сначала превратились в бумагу деньги. Однажды мы с сестрой стояли в очереди, чтобы поменять деньги на туалетную бумагу – неизвестно, что из них было дороже. Мимо нас катилась группа «революционных» матросов. Только вместо красных флагов у них были разноцветные – азербайджанские, армянские, молдавские. Матросы не требовали земли и фабрик. Но наотрез отказывались подчиняться офицерам страны, которой не стало.

На полках военторгов стояли лишь пирамиды унылых консервов. В квартирах первых этажей открывались

«комки» – первые коммерческие магазины. Предприимчивые люди, которых звали Сурен, Марат и Изик, начинали делать бизнес. Флотские капитаны регулярно покупали у Сурена едкий турецкий спирт Royal и пытались понять, что же теперь делать.

- Бурбулис этот хренов куда полез?
- Против референдума – значит, против народа!
- Вялым членом крепкой страны не построишь!
- Это все Меченый со своим плюрализмом!

С атомных крейсеров снимали фильтрационные касеты, богатые редкоземельным палладиумом. Их свозили в Мурманск, сдавали барыгам за триста долларов штука. Этого хватало, чтобы прокормить семью несколько месяцев.

Военнослужащие увольнялись, увозили семьи. Единственная дорога города вела в пустоту – обвиваясь вокруг сопки, поднималась наверх. Город умирал: первыми пустели дома по верхней улице – Бессонова. Музыкальная школа и библиотека, словно повинувшись незримому оползю, переехали ниже. Закрылся военный госпиталь, умер магазин «Мебель».

Но кто-то, наоборот, приезжал. Например, американские офицеры. Они больше не боялись ядерных ос, а проверяли, как уничтожаются их жала. Вступил в силу договор об ограничении вооружений. Бывшие советские офицеры поили бывших противников «роялем» и возили на оленью охоту. Американцев рвало с перепоя, а наши отцы чистили от блевотины черно-золотые вензеля на-товских мундиров.

Опоры линии передач, питавшей город, рушились, словно устав от неопределенности. Электроснабжение могли восстанавливать месяцами. Все время ремонта город получал энергию от реакторов атомных субмарин. Мощности не хватало, и электричество давали по рас-

писанию – по два часа в день. В час «Ч», когда включали свет, оживал будильник, воскресали из темени небытия забытые предметы. Светлое время рассчитывали по секундам. Каждый член семьи знал свой маневр: кипятить воду, мыться, готовить пищу, делать уроки.

Зато в Доме офицеров свет был всегда. Гремихинские дети носились по лестничным пролетам. Каждый день в единственном кинотеатре бесплатно показывали художественный фильм «Кинг-Конг». Не менее двадцати раз я наблюдал, как гигантская обезьяна покидала родной остров, чтобы совершить свое печальное путешествие на небоскреб. Снова и снова, раз за разом обреченное чудовище на крыльях вполне человеческих алчности и честолюбия несло к неминуемой гибели. Этот несчастный примат до сих пор кажется мне олицетворением всей человеческой цивилизации.

Я выучил этот фильм наизусть. Там был момент, когда перед объективом камеры, заставляя зрителей кричать от неожиданности, резко появлялся туземец в маске. Первое время, дождавшись появления туземца, я смотрел в сторону, смакуя испуг соседей. Но уже через две недели лица всех соседей оставались каменными.

Мы, пацаны, предпочитали тусоваться в канализационных коллекторах. Там было безопасно и тепло. Однажды мы решили объединиться в банду и стоять друг за друга до смерти. Нам нужно было название. Грозное и красивое. Красный читал в это время Марио Пьюзо. Одна из семей – врагов клана Корлеоне – называлась Таталией. Дерзкое сочетание букв понравилось всем и сразу. На школьных столах и стенах подъездов стали появляться граффити: «Таталия навсегда». Сами того не подозревая, мы занялись пиаром и брендингом. Организации нужен был штаб. В брошенном доме по улице Бессонова мы подыскивали уютную двушку с видом на белое безмолвие.

Хозяева-крысы вроде бы ничего не имели против новых жильцов. Мы раздобыли диван, пару столов, стулья. На стене повесили постер Слая в образе лейтенанта Кобретти. Сталлоне сжимал пистолет с лазерным прицелом, а из уголка лукавого рта торчала спичка. У себя на базе тайное общество распивало водку «Зверь» и иногда целовалось с гарнизонными красотками. Порой пьяные таталийцы начинали прыгать из окон третьего этажа. Опасности не было никакой: снег закрывал весь первый этаж.

Ученики младших классов свято верили, что «Таталия» грабит банки. Конечно, это не соответствовало действительности. «Таталия» совершала налеты на магазины. Использовалось несколько схем. Обычно мы заходили толпой, выстраивались перед продавщицей, просили продемонстрировать японский двухкассетник Akai. В это время один из парней проникал в дальний конец прилавка и тащил из-под него пачки сигарет, сникерсы, видеокассеты. Плевое дело. Бывали авантюры и посложнее. Например, вечером один из нас заходил в магазин и тайком отодвигал щеколду на форточке. Дождавшись ночи, вечные соперники Корлеоне возвращались с двумя санками и кокер-спаниелем на поводке. Сани предназначались для товара, собака – для маскировки. Решеток на окнах еще не существовало, и форточка легко вдавливалась внутрь. Щуплый Балабан снимал куртку и пролезал внутрь. Вскоре сквозь форточку на снег вылетали бутылки коньяка «Наполеон», орехового ликера «Амаретто», пачки сигарет More с ментолом. По ночам вся база стояла на ушах. «Таталия» употребляла награбленное.

Однажды под утро меня привели домой товарищи. Прислонили к двери, нажали звонок, убежали. Грозная мафия очень боялась моего отца. Того в очередной раз интересовало, где я шлялся. Шерсть кокер-спаниеля, казалось, навсегда пропиталась табачным дымом. Иногда

меня провожали домой и милиционеры. Как-то после очередного разговора с сержантом о подростковом воспитании отец зашел в комнату, присел на табурет и сказал, что мне пора выбирать путь в жизни. На тот момент их было два – тюрьма и армия. Я выбрал вторую дорогу. Так я поступил в военное училище. Кажется, это был лучший выход в мир. Из восьми «гангстеров» «Таталии» половины сейчас нет в живых. Иногда мы, выжившие, созваниваемся, шутим между собой, что оказались заперты в романе Агаты Кристи про десять негритят.

Гремиха смотрит на залив черными глазницами окон. Лодки давно пущены на металл вместе с пирсами. Не играет больше оркестр, да и людей там уже нет. Тундра медленно возвращает свое, прорастая хищными ростками в стыках бетонных плит.

Залетчик

Я был залетчиком. Всегда. Нарушать воинскую дисциплину вместе со мной отваживался не каждый. Мне не везло: то в разгар самоволки повстречается в метро проверяющий офицер, то он же вдруг восстанет из груды шинелей в шкафу или материализуется из пара в варочном цеху. Все это случалось со мной – и даже не по одному разу.

Юным майским вечером жизнь сорок третьим трамваем звенела мимо. Мы в общаге скучали в карты. Пенного пива хотелось, кудрявых красавиц. Но сначала все же пива. За которым надо было кому-то сбегать. Добровольцев не было и быть не могло. Решили: за пивом отправится тот, от кого отвернется удача. Раздали подкидного. С первой же раздачи мне зашли козырные валет, дама и король. Проиграть было невозможно при всем желании.

За пивом я отправлялся не впервой. Путь пролегал через университетский забор. В нем не было дыр. Но на самом верху кто-то отломал два острия на чугунных пиках. Маршрут десантирования был известен многим. Курсанты в заборе, случалось, застревали. А острия отломал, по слухам, некий толстяк, который как-то зацепился за пики ремнем, да так и повис среди ночи. Но хотя бы не зря провисел.

Перелез я быстро, но шумно – звенела курсантская пивная мелочь. Я уже было решил, что мне везет, как услышал самые нежеланные в сложившихся обстоятельствах слова:

– Товарищ курсант!

Надпочечники выстрелили адреналином. Двое. Старший лейтенант оказался похож на деятельного гнома. Его голова ходила по кругу, как прожектор. У второго были красные щеки и капитанские погоны. На выпяченной груди бездной ада зияла черная метка: «Начальник патруля». Сейчас я завидовал Билли Бонсу, который, получив от слепого Пью злое послание, сразу же помер от апоплексического удара. Бдительный взгляд капитана тем временем засек расстегнутую пуговицу на кителе – нарушение формы одежды. Начальник патруля приказал застегнуться.

«Ничего не случилось, – успокаивал я себя, старательно хлопая по немедленно застегнутой пуговице. – Подумаешь, к форме одежды привязались. Только и всего. Они даже не требуют предъявить увольнительную».

– Где ваша увольнительная записка, товарищ курсант?

Это было очень плохо. Ведь таких документов я не держал в руках очень давно.

Нужно было быстро решать, в какую сторону смываться. Пьянея от адреналина, я полез в нагрудный карман.

«Парк Первомая или Танковый проезд?» – гадал я, щупая войлочные катышки на дне кармана. Несуществу-

ющую записку я доставал целую вечность. Старлей уже открыл рот для финальных страшных слов, я съежился, машинально продолжая бессмысленные манипуляции в кармане. Хотелось волшебного спасения, но чудес, как я знал, не бывает.

– Отставить, – вдруг бросил старлей.

И двинулся за капитаном. Они решительно направились к очень странному человеку, одетому в военные штаны и гражданскую куртку. Тот что-то подозрительно насвистывал у забора, в тени тополей.

«Это мне повезло, что ли? – думал я, заходя в магазин “Синичка”. – Сейчас бы объяснялся с дежурным».

Галеты на полке магазина, по странному совпадению, были в точности такими, что выдавали в универе курсантам.

– Хорошие у вас галеты, – сказал я продавцу. Фамилия на его бейджике заканчивалась на «ян». Прямо как у начальника нашей столовой. – Дайте мне восемь бутылок «Бабаевского».

Вывалив на прилавок комок купюр и присыпав его мелочью, я схватил пиво и метнулся за дверь. На Волочаевской патруля не было. Пересчитав в пакете драгоценные бутылки, я двинулся в обратный путь.

У точки телепорта с отломанными пиками меня ждал сюрприз. По соседству с забором, на плацу, начиналось внеплановое построение. Курсанты параллельного факультета выстроились коробкой, внимательно слушая выступавших внутри офицеров. Попасть на территорию универа можно было еще через одну лазейку, у санчасти, но, во-первых, это было далеко, а во-вторых, существовал риск снова столкнуться с бандой Слепого Пью – то есть, конечно же, с офицерским патрулем. Я протиснул пакет сквозь прутья решетки, аккуратно прислонил его к обратной стороне забора. Огляделся: никому вроде бы не было

до меня дела. Стремительно и привычно я перемахнул преграду. Строй все так же стоял по стойке смирно. Единственная дорога вела к арке, а значит, пройти мне предстояло вдоль всего строя. Постояв у решетки некоторое время, я схватил свою ношу, резко выдохнул и пошел.

На середине плаца в мою сторону стали поворачиваться. Я вжал голову в плечи, ускорил шаг. А что оставалось делать?

Я шел и шел. Мне уже казалось, что я прорвался, как из центра строя прозвучала команда:

– Товарищ курсант, ко мне шагом марш!

Конечно, я знал этот голос. Ко мне обращался сам полковник Давиденко, начальник факультета. Надо было развернуться, подойти к нему строевым шагом, принять на себя наказание, лишиться себя и товарищей пива. А с другой стороны – до спасительной арки осталось меньше пятидесяти метров. И я все еще неслись к ней, не переходя на бег, вспоминая навыки спортивной ходьбы. Сотни курсантских глаз буравили меня. Кто же, кто этот смельчак, который игнорирует приказ самого полковника Давиденко?

– Товарищ курсант! Вы оглохли? – взорвался полковник. Двадцать метров. Почти ушел.

– Взять его! – грохнул танковым залпом новый приказ.

За мной погнались офицеры. Они сняли свои фуражки и, смешно держа их в руках, страшными скачками неслись по моему следу, как разъяренные кенгуру. Прижимая пакет к груди, я перешел на бег, влетел в арку, проскочил поворот, помчался вдоль обратной стороны учебного корпуса. Бутылки в пакете колотились друг о друга, подозрительно шипели. Я на мгновение обернулся. Меня преследовало четыре человека. Я помчался к курсантской столовой. По счастью – мне повезло! – на дежурство заступил младший курс моего родного факультета.

– Братцы, спрячьте! За мной погоня.

Не спрашивая лишнего, парни деловито побежали со мной на второй этаж. Укрывали самоходчиков они, может быть, не впервые. Обеденные залы, тощие столы – не спрятаться. Дальше – овощерезка, тележки вдоль стен. Еще дальше – коробка алюминиевых моек, старый советский холодильник ЗИЛ в углу. Непрístupный, как Форт-Нокс. Зловещий, как Алькатрас. Забитый хламом, как мусорный бак в разгар переезда. Отключенный от сети.

– Дежурный по столовой, ко мне! – донеслось снизу.

Вышвырнув мусор из камеры рефрижератора, я полез внутрь. Курсант лязгнул тяжелой дверью, оставив меня, скрюченного, наедине с вязкой тьмой. Вдох-выдох. Жирные стенки камеры пахли сливочным маслом. Выдох-вдох. Снаружи ничего не было слышно: плотная резина по краям двери не пропускала звук. Воздух быстро нагрелся, дышать хотелось все чаще. По лицу, затылку, спине сбегали ручейки не то пота, не то вулканической лавы. Кислорода уже не было. Вытерпеть это не оставалось никаких сил: нужно было открыть камеру и если не выпустить меня, то хотя бы проветрить мое узилище. Я лихорадочно ощупывал дверцу – ни малейшей зацепки. Чертов холодильник открывался только снаружи! Я стал барабанить костяшками пальцев по двери.

– Парни! Парни! Где вы?

Без ответа. Я забыл про конспирацию и стал колотить кулаками. Ничего. «А может, дверь можно выдавить?» – мелькнула отчаянная мысль. Но коварный металл лишь слегка выгибался.

Я не то чтобы смирился с нарядами вне очереди. Я о них мечтал. Только бы выбраться отсюда. Я верещал раненым зверем, долбился затылком в потолок, толкался плечами, пытаюсь раскачать ЗИЛ. Ни фиги. Извивались перед глазами предвестники гибели. Это были белые лен-

ты. Без начала и конца. Они опутывали меня, куда-то уволакивали. Я отъезжал. Мысли уплывали, словно никогда и не принадлежали мне.

Вдруг откуда-то снаружи моего гроба я услышал звуки возни. Или почудилось? Я замер. Все лимиты удачи на сегодня я исчерпал. Повезти мне уже не могло. Резко отлетела в сторону дверь. Лицо умыл воздух. Счастливым шариком я выкатился на бетонный пол. Надо мной стояли двое парней в белых передниках, движения их были быстры, сноровисты и профессиональны. Подхватив меня под руки, парни подтащили мое тело к окну.

- Офицеры закрывают вход, будут обыскивать все.
- Братцы, родные, да черт с ними. Я сдаюсь. Я жив.
- Что? Времени нет. Валера, я подержу, снимай занавеску с телеги.

Ребята суетились, скручивали белую ткань в подобие каната, крепили к трубе. Мне было все равно: я уставился на березовую листву. Счастьем было снова видеть ее!

На лестнице раздался крик:

- Наряд по столовой, строиться!

Конец веревки упал вниз, меня снова схватили, подняли, подтащили к подоконнику. Из окна я вылез уже сам, послушно перенес вес тела на веревку. Ступни щекотал сквозняк, занавеска скользила в ладонях. Я приземлился. Живой. Пели птички. Мои спасители махали сверху руками, вполголоса матерясь. Теперь они спускали по занавеске пакет с пивом. И им это удалось.

Поднимаясь на ноги, я понимал, что стал другим человеком. Этот обновленный человек взял пакет и побрел в общагу. В комнате он блаженно опустил на стул.

- Боже, хорошо-то как... – сказал я друзьям, которых уже не чаял увидеть.

Курсант Сердюк коршуном закружил над пакетом:

- Хорошо ему. Только за смертью его посылать. Залетчик!

Город летающих собак

Сойдя с белого теплохода «Клавдия Еланская» на морском вокзале Мурманска, я застываю. Не сказать, что я боюсь большого города. К выживанию в каменных джунглях я в принципе готов. Но из колеи меня выбивают деревья. Ели. Огромные, разлапистые. Похожие на дома. Я вдруг понимаю, что мир полон сюрпризов. Например, есть в мире такие вот деревья, которые не согнулись под ветром, не стали стелиться по земле. Они действительно, что ли, существуют?

– Заблудился, земляк? – спрашивает меня паренек в кепке с надписью California.

– Нет-нет, – поспешно отвечаю я.

Паренек отслеживает направление моего взгляда, переводит взгляд на ели, понимающе усмехается.

– Э, братан, так ты из города летающих собак! – делает он вывод.

Он не ошибается.

А я смущаюсь. И еще я стесняюсь своей родины. Малой, естественно. Втиснутой в сопку, умирающей, приходящей в запустение и капитулирующей перед белой пустыней Гремихи.

Очень долгое время у меня было ощущение, что мой город – это все, что есть вокруг. Весь остальной мир – это где-то далеко. Да его, наверное, вообще выдумали. Он только по телевизору бывает.

В городе летающих собак прошло мое детство. Полеты бескрылых четвероногих – это, конечно, насмешливые мурманчане придумали. А у нас на самом деле происходили вещи даже похлеще. Например, Леха Стоволосов, когда мы с ним учились в первом классе, научился фантастическому трюку – он залезал на столб, на самой вершине

изо всех сил цеплялся за вершину и отпускал ноги. Ветер тут же начинал болтать его, и Леха, радостно крича, развевался на столбе, как флаг.

В городе хозяйничал ветер. Он был холоден, страшен, жесток к взрослым. А вот малышам он дарил праздник. Если хозяин-ветер становился особо силен, по радио передавали особый звук. Дин-дон. Для детей он был счастьем. Потому что сразу после этого сигнала начинал говорить диктор, который объявлял, что в гарнизоне вводится положение «ветер-раз». Это означало шторм. И еще это означало, что занятий в школе сегодня не будет. Сигнал «ветер-два» (штормовое предупреждение) был хуже: при нем занятия отменяли только для мелкоты. Начиная с девятого класса я стал ненавидеть сигнал «ветер-два». Это значило, что мне надо было идти в школу, а сестра оставалась дома.

Дорога до школы в режиме «ветер-два» представляла собой целый квест. Только смертник мог рискнуть и выйти на открытое пространство, но и между пятиэтажками тоже было опасно – возникал эффект аэродинамической трубы. Идти приходилось согнувшись, удерживая перед лицом дипломат как щит.

Но случался праздник и у старшеклассников. Однажды «ветер-раз» объявили в день контрольной по алгебре. Теперь все утро можно было играть в «денди». Но имелась одна проблема. Шнур от приставки забрал и спрятал отец – в последнее время ему не нравился мой дневник. Однако выход из положения был – надо было сбегать к моему другу и взять шнур у него.

Я плотно, как космонавт скафандр, застегнул куртку и спустился на первый этаж. В дверь подъезда словно колотил пьяный великан. Когда он на какое-то время перестал рваться внутрь, я рискнул выглянуть во двор. Снаружи была пустота. Ничто. Ревущее белое простран-

ство. Если вы когда-нибудь с ним столкнетесь, вы начнете сомневаться не то что в существовании деревьев. Запросто может показаться, что даже соседнего дома нет в природе. Теперь надо было вцепиться в стену и, перебирая ладонями, двигаться на ощупь. А когда стена закончится – запомнить направление и что есть мочи нестись к следующему дому. Только так и можно было добраться до цели. Путешествие сквозь ветер я предпринимал не впервые. Опыт был. Я не боялся. Но сегодня ветер был особенно свиреп. Казалось, он превратился в разъяренного великана, этот ветер. Он обрел увесистую плоть и отвешивал свирепые удары. Я перенес одну, вторую, третью оплеуху, но вдруг ветер мощным хуком отправил меня в нокадаун. Я упал, потерялся, меня покатило по земле. Все ориентиры были потеряны, меня несло в неведомом направлении. Но в какой-то момент я наткнулся на преграду. Это была какая-то черная глыба. Неужели меня унесло аж к памятнику субмарине и вlepило в постамент? Но на ощупь преграда не была похожей на камень. Она оказалась мягкой. Руками в варежках я мог мять ее, и она поддавалась.

– Я не понял: ты меня помацать решил, как бабу? – раздался голос.

В каждом городе есть свой опасный человек. Женя Бешеный был вовсе не тем типом, с которым хотелось встретиться после поединка с ветром-великаном. Бешеный отстрелил окурок черным ногтем, встряхнул меня. «Надо сматываться!» – понял я. По-хорошему, лучше терпеть побои от ветра, чем оставаться наедине с этим типом. Я рванулся, чтобы уйти, но Бешеный вернул меня на прежнее место. И я позорно вцепился в его куртку-канатку, чувствуя, что еще немного, и я сам начну развеиваться флагом, как Леха Стоволосов.

– Ты чего? – прокричал Бешеный сквозь ветер. – Сейчас на дело поедем.

Дело? Какое еще дело?

– Пастухи в город ушли, бухают! – заявил он, указав двумя пальцами в небо. – Охотиться с тобой поедем.

Отказать Бешеному было смерти подобно. Бывало, когда Бешеный напивался водки, то усаживал перед собой какого-нибудь случайного мужика и спрашивал: «Ты меня видишь?» Никто не знал, как правильно отвечать на этот вопрос. При любом ответе человек получал в челюсть.

Этот жуткий тип потащил меня к далекому черному пятну, вблизи оказавшемуся снегоходом «Буран». Бешеный прыгнул на потрескавшееся сиденье, а меня швырнул в сани, к направляющей которых был привязан карабин. Мы понеслись в сопки, в неизвестность, на верную смерть. Мотор ревел, меня подбрасывало на санях, я сквозь оледеневшие варежки цеплялся за окаменевшую рогожу. Когда сани подпрыгнули в очередной раз, я не удержался и приземлился в мягкое, обжигающее ничто. В снежной пелене уносился прочь «Буран». Я закричал. Но крики мои заглушала буря, на фоне которой даже рев мотора казался комариным писком. Прошло несколько секунд, и снегоход исчез, как и не было его.

«Конец, – ощутил я всем своим существом. – Когда Бешеный поймет, что меня сбросило? Сколько я продержусь?»

След полозьев стремительно исчезал. Я пополз, боясь потерять этот единственный путь к спасению, углубляя его варежками. Как мне казалось, полз я в сторону города. Время играло против меня. Сначала я не мерз: страх заставлял сердце быстро гонять кровь. Но вскоре лютый мороз перешел в наступление. Сначала я перестал ощущать пальцы на ногах. За ними онемели щеки. Застыл ледышкой нос. Я терял себя по частям и превращался в ледяного Буратино. Таким меня и найдут. Нельзя было думать об этом. Но и не думать было невозможно.

Навалилась тьма, в которой носились белые искры. Вдруг этот ледяной мрак прорезал яркий желтый луч. Я услышал бормочущий звук. Это был мотор снегохода, который описал вокруг моего распластанного тела лихую петлю.

– Харе валяться, щенок! – закричал Бешеный, фехтуя треугольной льдиной бороды. – За жердь держись, чума криворукая!

Я обнял жердь, да что там – практически сросся с ней. Мы гнали сквозь бурю еще примерно с полчаса, пока рев ветра внезапно не стих. Я выглянул из саней: мы остановились на вершине сопки, а прямо под нами чернело и шевелилось что-то живое и огромное.

– Стадо, – сказал Бешеный, сплевывая льдинками. – Я заеду, а ты пальнешь. В шею целясь, понял?

Я вздрогнул. Стрелять? Мне?

– Я не стану. Не я...

– Тогда вываливай, – зарычал Бешеный. – Седлай оленика. Ну! Чего молчишь? То-то!

Бешеный направил «Буран» прямо в стадо. Оружие от ужаса, пережившие бурю животные бросились врассыпную. Только один олень с темным окрасом тела и светлой головой не сошел с места. Он стоял и смотрел – куда? Прямо мне в глаза. Я прицелился, зажмурился, выстрелил. Приклад ударил в грудь. С оленем, казалось, ничего не произошло. Но вдруг он мотнул рогами, пошатнулся, завалился на бок. И тут же на него набросился Бешеный, начавший в одиночку затаскивать добычу в сани.

– Держись за оленя, – сказал Женя. – Навернешься, возвращаться не буду: бенза нет.

Я снял варежки, вцепился в грубую шерсть, грелся об остывающее, но все еще теплое тело оленя. Стонал ветер. Ревел мотор. Мертвый олень давил меня тяжелым агатовым взглядом.

«ФИНИКИ»

Капитан Гамзатов спрыгнул из Ми-8 на взлетку. Горы наполняли душу восторгом и сулили опасность. Схватившись за кепку и пригнувшись, капитан поспешил подальше от винтов. Гамзатов был начальником. Недавно его назначили руководить финансовой частью 291-го горного полка.

Пункт управления полетами не наблюдался (и, как выяснилось позднее, вообще отсутствовал). У черного BMW на краю взлетки колеса казались бесформенными из-за налипшей глины. На его крыле расселся краснолицый старлей, весивший, на беглый взгляд, не меньше, чем полтора центнера. При появлении Гамзатова толстяк встал, рессоры испустили вздох облегчения. Старлей открыл новому начальнику пассажирскую дверь.

– Заместитель начальника финансовой части старший лейтенант Приходько, – представился офицер, пытаюсь в порыве услужливости отобрать у Гамзатова сумку.

– Привет, «финик», – сказал капитан, рассматривая потолок салона, отделанный алькантарой. – И откуда бы у офицера с зарплатой двадцать пять тысяч взяться пятой «бэхе»?

– Так это служебная, тащ капитан. И не «пятерка», а «семерка». Фильм «Бумер» не видели?

– Не видел.

– Короче, с блок-фарой, всем таким. Сережа, – повернулся старлей к солдату-водителю, – дуй в контору. Я тут

приготовил, в честь прибытия. Коньяк «Багратион», доставлен нарочным из Кизляра.

Старлей оставил попытки отобрать у Гамзатова сумку. Теперь он протягивал новому начальнику серебряный рог с коньяком. Капитан посмотрел на подношение весьма равнодушно:

– Спасибо, старлей, не пью. И тебе не советую. К тому же одиннадцати еще нет.

– Так и я, тащ капитан, тоже не пью. Только пиво. Строго по восемь банок в день.

BMW-«семерка» скребла днищем суглинок между рядов палаток. Бойцы потягивали сигареты с фильтром, пытаясь что-то высмотреть в тонированных окнах. У командирской палатки автомобиль остановился. На траве, осоловевшие от жары, сидели солдаты комендантского взвода.

– Гвардейская финчасть, – пояснил Приходько, указывая на палатку. – Должна быть в штабном здании, но его еще не достроили.

Капитан впервые видел финансовую часть с брезентовыми стенами.

– Расцветали яблоки и гру-уши-и, – запел вдруг старлей, медленно отодвигая выгоревший полог палатки, – по-оплыли тума-аны над рекой.

Внутри нового начальника встретил ряд столов, на них – пачки чековых книжек, стопки жалоб, над ними – карта передвижений 42-й Гвардейской Евпаторийской дивизии, за одним из столов – девушка в аквамариновом платье. Размер груди Гамзатов с ходу оценил как четвертый.

– Катюша, – представил девушку Приходько. – Наш делопроизводитель.

Девушка отложила в сторону журнал закупок. Улыбаясь, она встала. При виде открывшихся спелых прелестей у капитана перехватило дух.

– Кхм. А где кассир? – спросил Гамзатов, тщетно заставляя себя отвести взгляд от V-образного разреза.

– Гребенкин, что ли? Так под стражей. С ним беда, – сообщил Приходько, постукивая коньячным рогом о потную ладонь. – Зимой привез я из Ханкалы полевые выплаты. Полный рюкзак, двадцать лямов. Ночью, пока комендачи давили массу, финчасть распороли ножом, рюкзак ушел. Мать-перемать, компот, прокуратура, все на головах. Так и не нашли! А весной Гребенкин вдруг в отпуск запросился. Уехал к себе на Ставрополье и пропал. Через три месяца отправили за ним дознавалу. Приехал тот в деревню Кочерга...

– Кучерла, – поправила Катюша, скромно потупившись.

– Так вот! А в Кочерге этой сраной возле хибары покосившейся – нулевой «крузак». А сам Володька бухой. Начали его вязать, а он отбивается, кричит, что фермер.

Значительную часть времени Гамзатов думал о Катинной груди. Та вздымалась под легкой тканью, и материя волновалась, напоминая бурный, каменистый Аргун.

Капитан обвыкся, разобрался с жалобами, наладил перечисление довольствия на чековые книжки. Впрочем, была одна проблема. Земляки-аварцы, служившие здесь по призыву. Они стали целыми делегациями осаждать Гамзатова, желая познакомиться поближе. Чтобы отвадить их, Приходько запустил дезу, будто начфин – «кобра». То есть кабардинец.

В конце лета новый начфин держал первую проверку. Из штаба округа прибыл полковник Меркулов. Проверяющий был коренаст, на рубаше в районе нагрудного кармана расплылись чернила из потекшей ручки. Полковник зачем-то хотел увидеть полигон «Альпийский», предназначенный для отработки навыков ведения боевых дей-

ствий в условиях горной местности. Гамзатов слышал об этом диве вообще впервые.

Полковому командиру Бякушеву хорошо удавалось скрывать эмоции за пышными усами, но по ряду признаков Гамзатов понимал, что «компот» удивлен не меньше.

– Дался он вам, этот полигон! Мотолыга на «Альпийский» не зайдет, дорогу размыло, – увещевал проверяющего Бякушев. – Я вам фотки покажу, увидите, что там все ровно. Пойдемте быстрее в столовую. У нас там сейчас рок-группа будет выступать. «Там, за туманами» слушаем, порыдаем.

Кроме Меркулова, командира полка и примкнувшего к ним Гамзатова осетинскую водку пил начальник штаба полковник Терляев. Пятым был Приходько, который, как выяснилось, знал наизусть семь сотен тостов. Иногда на старлея находил кураж, и Приходько мог вдохновенно завернуть что-нибудь поэтическое про какие-нибудь безвозвратно ушедшие дни.

Была еще и Катюша в своем умопомрачительном аквамариновом платье, поверх которого она набросила официантский передник. Делопроизводительница носила товарищам офицерам водку и сыры.

Из-за упрямства проверяющего разговор то и дело сворачивал на танковый бой в горной местности.

– В условиях здешних глинистых почв, – без запинки отстреливал слова подвыпивший начштаба, – горный полк воюет на малых тягачах легкобронированных (МТЛБ). А танки у нас вообще Т-62. Надежные, начинка механическая.

– Каменный век! – негодовал проверяющий. – А где же семьдесят вторые?

– У семьдесят вторых в этих говнах электрику клинит.

– С этим надо разобраться, – встрепенулся проверяющий. – Немедленно едем на полигон!

– А покушать? – отчаянно бросилась спасать ситуацию Катя.

– Успеем! Кстати, Катя, вы едете с нами. Со мной! Прямо на броню!

– Разрешите предупредить, – комполка Бякушев принялся быстро наполнять рюмки. – На дворе у нас ночь. В горах бродит банда Ассадуллы. А за вашу безопасность я отвечаю головой, погонами. Всем!

– Хорошо. Но утром обязательно поедem! – подвел итог дискуссии проверяющий.

Но утром никто никуда не поехал. Осетинская водка – лучшее снотворное. Так что весь следующий день офицеры проспали, а к вечеру стало опасно снова. На следующее утро полк отправился на учения, и парк опустел. Остался только проверяющий, который нарезал круги по плацу, хищно разглядывая гору Ламамаисти, у подножия которой как раз и располагался полигон, знаменитый, как оказалось, своей танковой директрисой. На следующие сутки коварный Ассадулла принялся бродить со своими кунаками по раскисшей дороге прямо с утра пораньше.

Все думали: пронесло. Но Меркулов вдруг решился на подвиг.

– Гамзатов, берешь калаша и сухпай, идем с тобой пешком, – озадачил начфина неугомонный проверяющий, выжимая насквозь промокший от пота платок.

Гамзатов говорил что-то про десятый уровень жары, но Меркулов его не слушал. Зной заставлял его бредить полигоном. Состояние танковых директрис превратилось в идею фикс.

Вышли быстрым шагом. Вскоре увидели впереди унылого человека, волочившего за собой общевоинской защитный комплект. Он плелся в ту же сторону.

– Все кончено, – отчаянно прошептал начфин. – Это Ассадулла!

Меркулов и не подумал испугаться. Он молча продолжил движение. Нагнали унылого гуляку с ОЗК. Оказался свой – отбившийся от роты сапер это был.

Остановились только у подвешенной на цепи гильзы от стадвадцатимиллиметрового снаряда. На ней белой краской было выведено: «АЛЬП».

– Итак, приступим! – глумился проверяющий, доставая пленочный фотоаппарат. – Пункт наблюдения – отсутствует. Колейный мост – где он?

Гамзатов пожал плечами.

– Я деньги считаю, – жалобно сказал он полковнику.

Меркулов некоторое время поиспепелял начфина взглядом, затем злобно продолжил ревизию:

– Кирпичные преграды – отсутствуют. Площадка ожидания, огороженная шинами, – есть. Ну надо же! Хоть что-то есть! Что-то еще? Может, я чего-то не заметил?

– Брод не заметили, тащ полковник! – сказал Гамзатов, указывая бурую лужу, в которой булькало непонятно что.

– Подписывайте акт, товарищ капитан. Здесь. И еще здесь.

Наутро проверяющего наконец проводили. Вертолет взлетел, тревожа кусты бересклета. С собой полковник Меркулов увозил двести тысяч рублей, а заодно и девушку в аквамариновом платице.

В доме повешенного не говорят о веревке. А после ревизии не говорят о финансах.

О Катюше не было никаких известий. Зато всех достал ее муж, гвардии лейтенант Авдеенко.

Каждый день после совещания он появлялся, грустно и вопросительно мотал головой.

– Авдей, не ходи к нам! – бесился Приходько, порою разливая от злости пиво. – В командировке Катя твоя. Отчет повезла в Ростов. Не ходи.

Через две недели Катюша вернулась. И первым делом развелась с лейтенантом Авдеенко.